

В своих поступках Юнь Ваншу во многом подражал современным людям. Но к признанию в любви подошел основательно, приготовив сразу два плана.

Устроил свидание, купил цветы и спрятал среди бутонов стихотворение.

Внешне юноша казался совершенно своим в этом мире, но в глубине души по-прежнему оставался книжником из иной эпохи.

Книжником, который полюбил того, кто так же, как и он, ценил поэзию.

— Я хочу ухаживать за тобой, — вымолвив это заветное слово, Юнь Ваншу попытался вернуться к заранее отрепетированной речи. — Брат Цзун, я тут подсчитал дни... Сегодня ровно... — он запнулся на полуслове и замер, не отрывая взгляда от Цзун Жуя.

Цзун Жуя забавно тронула его растерянность. Мягко улыбнувшись, он принял букет.

— Чудесные цветы. А вазу ты купил?

Юнь Ваншу, все еще пребывая в легком оцепенении, медленно покачал головой.

— Тогда сначала зайдем в супермаркет за вазой, — предложил Цзун Жуй.

На самом деле они только что вернулись с прогулки. Обычно в такое время они усаживались переписывать каллиграфию или Цзун Жуй помогал Юнь Ваншу редактировать сценарии для его будущих блогов. Но сегодня юноша сделал этот день особенным, и Цзун Жуй рассудил, что привычный распорядок тоже стоит немного изменить.

В конце концов, это были цветы, с которыми ему признались в любви. Цзун Жую хотелось сберечь их как можно дольше.

И еще...

В груди Цзун Жуя глухо, заполошно стучало сердце.

"Пусть из нас двоих нервничает кто-то один", — решил он. Ему совсем не хотелось, чтобы Юнь Ваншу заметил его волнение. Справившись со слабостью в коленях и скрыв влажные ладони, он тепло, с самым невозмутимым видом спросил:

— Ну что, вернулся в реальность?

Ресницы юноши мелко затрепетали. Словно под действием невидимых чар, Юнь Ваншу

мгновенно ожил, расцвел изнутри.

— Брат Цзун, — он шагнул ближе, так близко, что Цзун Жуй увидел собственное отражение в его темных зрачках. Голос Юнь Ваншу дрожал от сдерживаемого восторга: — Правда? Но ведь я даже не договорил...

— Ну так договаривай, — отозвался Цзун Жуй с улыбкой, чувствуя, как пульс ускоряет бег. — А потом сразу в магазин.

Юнь Ваншу смотрел на него не мигая. Спустя мгновение он уловил едва заметное напряжение, затаившееся в уголках губ любимого человека.

В голове мелькнула невероятная догадка.

"Неужели не я один сейчас теряю голову от волнения?.."

Эта мысль упрямо крепла, заполняя все сознание.

Оба они давно вышли из нежного возраста и успели познать жизнь, но сейчас вели себя робко и глупо, точно зеленые юнцы на первом свидании.

Смятение в душе Юнь Ваншу улеглось, сменившись удивительным покоем. Он приподнял подбородок, его глаза сияли чистым звездным светом.

— Я прочту тебе стихи.

Этим вечером не случилось ничего из ряда вон выходящего.

Цзун Жуй послушал стихи, они съездили в магазин, заботливо подрезали стебли и расправили пышные бутоны в новой вазе. Все вернулось на круги своя.

И лишь когда их плечи случайно соприкасались или взгляды пересекались в полумраке комнат, они остро чувствовали: прежней их жизнь уже не будет.

Время близилось к одиннадцати. В комнате сгущалась невидимая, пьянящая теплота. Они то и дело краем глаза искали друг друга, но, стоило их взорам встретиться, поспешно отворачивались, точно ошпаренные.

Наконец Цзун Жуй не выдержал:

— Ложись спать. Завтра на работу. — Он замялся на секунду, а затем неловко добавил: —

Спокойной ночи.

Юнь Ваншу бросил короткий взгляд на дверь его спальни и послушно кивнул:

— Хорошо.

Цзун Жуй почувствовал легкое замешательство.

"О чем сейчас думает Ицзин?"

Юнь Ваншу же мысленно хвалил советы из интернета.

"А ведь правы были люди на форумах! Современные горожане весьма целомудренны, никто не бросается в омут с головой в первый же вечер. Буду двигаться постепенно, шаг за шагом, чтобы не напугать брата Цзуна".

Юнь Ваншу вежливо пожелал ему добрых снов. Закончив с вечерними делами, оба разошлись по своим спальням.

Погасили свет, легли — все как обычно.

Однако, проворочавшись в постели минут пятнадцать, Цзун Жуй рывком открыл глаза.

Он бесшумно поднялся и прямо на полу принялся отжиматься. Движения давались легко, на одном дыхании. Сделав несколько десятков повторений, он наконец почувствовал, как жар в груди спал, уступая место приятной усталости, и крепко заснул.

Физическая нагрузка сделала свое дело — Цзун Жуй проспал без задних ног до самого утра. Когда он поднялся, за дверью Юнь Ваншу царила тишина.

Окидывая взглядом яркий букет в новой вазе, Цзун Жуй довольно улыбнулся и отправился на кухню.

К моменту, когда Юнь Ваншу сонный вышел в гостиную, дом уже наполнился аппетитным ароматом разваристой рисовой каши с зеленью и нежным мясом. Цзун Жуй как раз взбивал яйца, замешивая тесто соломкой из картофеля — оставалось только разогреть сковороду и пожарить лепешки.

Юнь Ваншу не чувствовал голода, пока не уловил эти запахи, но сейчас у него непроизвольно потекли слюнки.

Заметив его взгляд, Цзун Жуй едва сдержал смех.

— Иди умывайся, все почти готово.

— Иду! — радостно отозвался тот.

Юнь Ваншу счастливым вихрем улетел в ванную и так же стремительно вернулся обратно. На кухонном столе его уже ждала первая румяная лепешка с картофелем, а на плиту отправлялась вторая.

Юнь Ваншу снова сглотнул слюну, налил в пиалы кашу и потянулся за тарелкой с лепешками. В этот же миг Цзун Жуй протянул руку к плите, и их ладони случайно соприкоснулись — пальцы Юнь Ваншу легли прямо на крепкое предплечье хозяина дома.

Оба замерли. В тишине кухни монотонно и гулко гудела вытяжка.

Под ланью Юнь Ваншу отчетливо прощупывались напряженные, горячие мышцы. Это тепло мгновенно отозвалось дрожью где-то глубоко в груди юноши.

Его кадык судорожно дернулся. Юнь Ваншу поднял глаза на Цзун Жуя, пока внутренний голос отчаянно твердил: "Шаг за шагом... Не торопись..."

В глазах Цзун Жуя этот робкий, но полный обожания взгляд выражал совсем иное.

— Ицзин... — тихо позвал он.

У Цзун Жуя перехватило дыхание.

Они никогда не обсуждали это напрямую, но по разным мелочам он догадывался, что обычаи в родном мире Юнь Ваншу сильно отличались от привычных представлений о древности.

Как там относились к ухаживаниям? Какие рамки приличий соблюдали в самом начале отношений?

Цзун Жуй не знал наверняка.

Но прямо сейчас он видел в глубине этих темных глаз неприкрытое, жгучее желание.

И он решился спросить:

— Чего тебе хочется прямо сейчас?

От этого вопроса зрачки Юнь Ваншу мгновенно расширились.

Губы юноши слабо приоткрылись, словно он пытался поймать воздух, а затем затрепетали. Он прошептал всего несколько слов — очень тихо, но Цзун Жуй расслышал каждое.

К следующим выходным они освободили целый день, чтобы перенести одежду и личные вещи Юнь Ваншу в спальню Цзун Жуя. Все оборудование для съемок блогов оставили на прежнем месте.

Со временем освободившаяся комната превратилась в склад. Впрочем, ненадолго. В разгар суровых зимних холодов они сложили свои сбережения и с удивлением обнаружили, что накопленной суммы вполне хватает на покупку собственного жилья.

Но прежде чем заняться поисками квартиры, они решили завершить другое важное дело.

Цзун Жуй повез Юнь Ваншу в родной город, чтобы, как и обещал, вместе встретить Новый год в кругу семьи.

Родители Цзун Жуя давно заочно знали Юнь Ваншу по видеороликам. А в ноябре сын огорошил их известием о том, что его "сосед" стал его "возлюбленным". В отличие от многих консервативных семей, они отнеслись к выбору сына с пониманием и редким великодушием.

Цзун Жуй признался им еще в студенческие годы. Тогда они тепло ответили ему:

"Мы сами далеко не образцовая супружеская пара, — за тридцать лет брака они так и не растворились в заботах о сыне, сохранив нежные чувства друг к другу, — а потому не вправе требовать от тебя соответствия чужим стандартам. Главное — будь счастлив и живи в ладу со своей совестью".

И теперь они встретили Юнь Ваншу с распростертыми объятиями.

Хотя Юнь Ваншу уже бывал здесь однажды, тогда он вел себя крайне скромно и Цзун Жуй не стал показывать ему свою комнату в подробностях. Поэтому сейчас, несмотря на второй визит, юноша разглядывал все вокруг с детским любопытством.

Каждый день приносил ему новые открытия. В канун Нового года он случайно наткнулся на полке на толстый переплет.

Открыв его, Юнь Ваншу невольно рассмеялся и позвал Цзун Жую:

— Так вот каким ты был в детстве!

Это оказался старый семейный фотоальбом. На первых страницах Цзун Жуй запечатлен крошечным карапузом, едва достающим взрослому до пояса. Дальше шли снимки из начальной школы, средней... Фотографии бережно хранили моменты взросления любимого человека, которые Юнь Ваншу не суждено было увидеть воочию.

Хроника обрывалась на школьных годах и поступлении в университет — с появлением смартфонов старые пленочные фотоаппараты ушли в прошлое.

Весь оставшийся день Цзун Жуй делился с ним воспоминаниями, оживавшими при взгляде на пожелтевшие карточки: вот первая поездка с детским садом в парк, вот ежегодный день открытых дверей в школе, а здесь — экскурсия в соседний город... Давно забытые мелочи легко всплывали в памяти.

Юнь Ваншу слушал затаив дыхание, то и дело переводя взгляд с детских снимков на взрослого Цзун Жую.

— Как бы мне хотелось знать тебя тогда... — вздохнул он с легкой грустью.

Цзун Жуй тепло улыбнулся:

— Сейчас тоже совсем не поздно.

— И то правда, — согласился юноша.

Из коридора донесся зычный голос отца:

— Живее на кухню, пора лепить цзяоцзы!

За разговорами они и не заметили, как за окном сгустились сумерки. На кухонном столе закипела работа, а по телевизору началась трансляция новогоднего концерта.

Для современных зрителей новогодний гала-концерт давно превратился в скучную рутину, но для Юнь Ваншу, видевшего такое зрелище впервые, представление казалось невероятно пышным и захватывающим. Он увлеченно просидел перед экраном до самой полуночи. Лишь когда куранты пробили двенадцать, он вспомнил, что обещал подписчикам записать поздравление, и попросил Цзун Жую подержать камеру.

Стоило выложить короткий ролик в сеть, как внимательные фанаты тут же засыпали его комментариями:

«Постойте, это ведь не комната учителя Юня?»

«Наверное, он поехал встречать праздник к родителям?»

«Да нет же! Прислушайтесь к голосу за кадром — это сто процентов учитель Цзун!» — Цзун Жуй частенько мелькал в его блогах под видом близкого друга, так что зрители отлично знали его манеру говорить.

«Друзья... — подхватил кто-то среди бесконечных споров о том, не старая ли это запись. — Кажется, у меня есть одна безумная догадка».

Впрочем, виновникам переполоха уже не было до этого дела.

В этот момент Цзун Жуй увлек Юнь Ваншу во двор, чтобы запустить праздничные фейерверки.

— В моих краях на Новый год тоже поджигали шутихи... — поначалу несмело заметил Юнь Ваншу.

Но оказавшись на заснеженном пустыре, он замер от изумления при виде одного только разнообразия детских бенгальских огней. А когда над центральной площадью города взвились залпы грандиозного праздничного салюта, раскрасив ночное небо в сотни ярких оттенков, юноша и вовсе лишился дара речи. Огненные цветы распускались в вышине и падали на землю мириадами искр, точно золотой звездопад.

Юнь Ваншу заворуженно смотрел вверх, затаив дыхание.

Когда последние залпы отгремели и небо вновь потемнело, он повернулся к Цзун Жую и тихо спросил:

— В следующем году мы тоже это увидим?

— Обязательно, — ответил Цзун Жуй.

— А через два года?

— Да.

— А через три?..

— И через три тоже.

— А потом...

— Ицзин, — мягко перебил его Цзун Жуй. — Ты ведь просто хочешь сказать: «Я мечтаю приезжать сюда с тобой каждый год»?

Юнь Ваншу смущенно надул щеки, глядя на него, но все же не выдержал и счастливо рассмеялся, послушно повторив:

— Брат Цзун, я хочу возвращаться сюда с тобой каждый год.

Быть вместе. Год за годом, всю жизнь.

Вместо ответа Цзун Жуй крепко сжал его ладонь и негромко произнес:

— Хорошо.

Спустя много лет им двоим приснился один и тот же сон.

В этом сне они вновь оказались в гостях у господина Шэня и господина Ланя. Сначала все казалось привычным, пока господин Шэнь не предложил им взглянуть в окно.

Подойдя к стеклу, Цзун Жуй лишь изумленно охнул, разглядывая незнакомый пейзаж, а Юнь Ваншу внезапно лишился дара речи.

Перед ним раскинулась улица, одновременно знакомая и бесконечно чужая. Он узнал Цяньцан — эту дорогу, ведущую за городские ворота, по которой он когда-то каждый месяц ходил из дома в академию.

Но теперь она выглядела совсем иначе. Больше не было измученных болезнью бедняков, бредущих без цели в пыли. По чистой мостовой неспешно прогуливались здоровые, сытые люди в праздничных одеждах. Их лица светились румянцем, а в глазах читалась твердая вера в завтрашний день.

«Неужели это...»

Заметив, как изменилось лицо Юнь Ваншу, Цзун Жуй обо всем догадался. Он обернулся к хозяевам дома.

Но те лишь мягко улыбнулись, не став вдаваться в объяснения:

— Выпейте чаю перед дорогой.

Цзун Жуй с улыбкой поднял свою пиалу и протянул вторую Юнь Ваншу.

Когда они открыли глаза в своей постели, за окном брезжил рассвет, а рядом мирно спал человек, с которым они поделили половину жизни.

Во рту все еще чувствовался тонкий, едва уловимый сладковатый привкус чая. Они долго лежали в тишине, боясь спугнуть это ощущение. Наконец Юнь Ваншу рывком сел на кровати и взволнованно произнес:

— Брат Цзун, мне в голову пришла идея для нового очерка!

Цзун Жуй ласково рассмеялся:

— Что ж, тогда идем в кабинет.

Утреннее солнце щедро заливало комнату теплым золотом, освещая их тихое, безмятежное счастье.

<http://bllate.org/book/18254/1758563>